

ПЕСНЯ ГОДА

Заря, холода. Дни короткие, ночи длинные, часто бессонные.

А вечером какое в деревне развлечение? Кот Мася да телевизор.

Баба Катя любит сериалы, особенно про заморскую жизнь. Такой же народ, как и у нас, и везде богатые дурят бедных, обирают; много за границей дурных мужиков, которые на голых девок заглядываются, но есть и славные женщины, как правило страдалицы, ведущие праведную жизнь... Баба Катя особенно сочувствует им в горестях и радуется торжеству добродетели – слава богу, хоть в сериалах всё как надо кончается.

Дед же Сергей не согласен с супругой. Он кино тоже смотрит, но критически, и говорит, что кругом брехня, артисты не работают, только наряжаются и катаются на машинах. «А взяли б хоть телёночка или поросёночка одного-другого...» – «Ды у них и так денег полно!» – возражает ему баба Катя. «Полно, а не работают! Тунеядцы! На шее сидять!» – «Так их бьют! Вон, в прошлой серии этот, чёрный, как чертанул мужа Амалии, он аж перевернулся! И косточки захрустели. Там у них, у артистов, и бебехи все поотбитые! И денег никаких не захочешь на такой работе». Дед Сергей начинает спорить: «Ты не понимаешь, это съёмка, обман! Дурють тебя, а ты веришь. Они мимо бьют или заместителя какого выставляют вместо артиста». Тут уж возмущается баба Катя: «А чё ж, заместитель не человек?! Таких дураков нету – артиста хоть побили, так ему слава, а этим чё!? Не, артистов бьют, ты мне не рассказывай...»

В конце концов, каждый, недовольный друг другом, оставался при своём мнении. Но нынче кино нету, показывают концерт. Чё ж, можно послушать, людей поглядеть. Артисты режут песняк, а супруги чинно сидят в стареньких креслицах, созерцают. Кот Мася свернулся в крендель, лежит поодаль, на отдельном стуле. В наиболее крикливые моменты, когда телевизор совсем уж раздражает экстаз, умудрённое жизнью животное то один глаз откроет, то другой, то зевнёт лениво, а то и белую лапу вытянет, выпуская крепкие перламутровые когти.

А баба Катя слушает Николая Расторгуева и комментирует:

– Глянь, вышел во френче, стал и стоит. Как старательно он слова доказывает!

– Стоит недвижимый. Под Сталина одетый, – вторит ей дед Сергей.

– А эти, – вслед за Расторгуевым выскочила поп-группа, – кидают коленками, как тёлки... Гляди, раздерёшься, упадёшь! Едешь, как на лыжах, – возмущается баба Катя опасными движениями гитариста.

– Старых не стали выпускать, – вздыхает супруг, – Зыкина не выходит уже, негожая, здоровья нету. Бывало, выпустят её, сразу видать, что артистка.

– Куды там! Зыкина станет, как печь, вся опрятная, прибранная. Красивая женщина! – с горькой торжественностью выговаривает баба Катя. – А детей, по телевизору казали, у ней нету... Протрепалась всю жизнь, они ж, мужики, лезут... А эти, глянь, бегают, родня еле прикрытая. Вон Алсу, такая скромная девчонка была, а счас тоже коленку вывалила.

– Отец – олигарх, чё ей! – со знанием дела говорит дед Сергей.

– Ды он с ней, может, и не совладеет! Он ей: прикрой коленку, а они нынче здорово слушают?! Я вон тебе сказала: будешь курам воды наливать, притуляй двери, сарай выстудишь. Хоть говори, хоть нет – пятьдесят лет я тебе уже про это толкую – бесполезно!

На эти недружественные выпады супруг не отвечает, а спешит переключить бабу Катю на очередного артиста.

– Ну хоть бы ты был подстриженный, чё ты такой лохматый! – Это про Игоря Николаева.

– Он же развёлся с Королёвой, некому его и образить, – просвещает баба Катя мужа. И вновь педалирует тему бытового непослушания: – Тебе вон не скажи, ты будешь неделю небритый ходить!.. – Но тут её внимание привлекают длинноногие фигуры в чёрном трико, рьяно подпрыгивающие на экране: – А эти, мужики чи бабы? Прямо волосы собраны в пучок, не поймёшь.

– Песня – кто кого перекричит, – зевает дед Сергей. – Разов десять два слова повторяют. Закрепление.

– А у этой бабы полбока голые. Куда он, Путин, глядит?! Сколько лет проработал, хоть бы голых баб убрал с телевизора. – Культурный просмотр потихоньку начинает приобретать политический уклон.

– Чё ж он их, чи всех оденет? – хихикает супруг. – Тут страсть на них сколько сукна надо... А вот одна вышла, без свиты...

– Глянь, а ножаки высоко подкидывает!..

У деда и на это есть объяснения:

– Ну а как же, деньги за чё ей будут платить!

Тут Маше, видимо, надоела вся эта культурная бодяга, и он, нацелившись на кресло, где сидит баба Катя, точно прыгнул ей на колени. Для хозяйки это было полной неожиданностью:

– Что ж ты творишь?! – стала она стыдить нахальное животное. – Это страсть чё он делает! Вчера вышла на двор, наклонилась около куриного сарая лёд возле порожка золой присыпать. Он как прыгнет мне на голову! Я сначала не поняла, думала, это бомба с Ирака. Никак они меня не добьют – в прошлом году труба стрельнула, куском стукнула.

Кот, не обращая внимания на критику, прилёг, вытянул передние лапы, уложил на них голову и философски прикрыл глаза. Баба Катя вернулась к экранным обличениям:

– А эта певица старая, мосластая, лет пятьдесят ей. Туда ж, потрусилась, притоптывает... А мужик вышел в плаще.

– Это Розенбаум, – делится своими познаниями о лидерах шоу-бизнеса супруг.

– Бум не бум, а вишь, холодно ему стало. В таких-то годах!.. Я вот тебе кажу: надевай на ночь шапку спортивную, голова и мёрзнуть не будет. Бум этот в плаще вышел, а дитя, девчонку, вдогонку выпустили в трусиках. Мужики, гляди, они умней.

– Это да... – охотно подтверждает дед Сергей.

– А эт, чё она за молитва, чё они шепчут?! – На сцене группа из нескольких субтильных парнишек.

– Да им лишь бы время шло, слова – не главное.

– А-а-а... А я так думаю: ну идёшь ты на люди, надень пиджачок! Чё ты выскочил в майке?! А этот, страшный, глянь, спрыгнул со сцены и лезет до людей.

– Ну ды а как же, чтобы цветы давали. Выдуривает.

– Как наш кот возле холодильника. – Мася, услышав, что речь идёт про него, полупрезрительно открыл зелёный глаз, сожалеючи взглянул на хозяйку. – А эта вышла в рубаше и корячится. Чё там у неё за беда?!

– Гляди, Басков, Басков! Он здорово поёт, голос у него хороший...

Баба Катя и от этого солиста не в восторге:

– Расхлябанный! Рот у него дюже раскрытый. Зубяки вывалил, забыл, чё и сказать хотел, затянул кудысь... Кто это вокруг него? – За спиной солиста энергично притопывают и машут руками полуголые девицы-трансформеры. – Чи они одиночки? Может, у них родителей нету?..

– Пропал мир, – вздыхает дед Сергей, когда заканчивается концерт и бегут титры. – Энтот на лыжах поехал кататься, государство бросил.

– Государь.

– Да.

Супруги скорбно молчат.

– А дальше чё по программе?

Дед Сергей тянется к газетке, смотрит сквозь очки:

– Сванидзе.

– Не хочу я этого слюнявого...

– Не, не туда глянул я. Петросян.

– Гагун. Надоел уже. Давай ложиться, что ль?

– Рано.

– Ничего не рано. Туды-сюды – и утро.

Гаснет телеэкран, потом старики выключают свет. Тихо. Только слышно мышиную возню на чердаке, да собака дальняя обречённо брехнёт. Или вьюжный ветер ударит в окна. Дед Сергей говорит со своей кровати:

– Рази это артисты?! Вспомни: Апроська, бывало, заводит – хорошо она играла, а за ней Нюрка Ильичёва вступает, Катька Гавшина, Лабуткова, Гашка...

Куды там девки были! – горячо поддерживает его баба Катя.

Оба молчат, погруженные в воспоминания. И тревожно, и грустно, как всегда бывает поздним зимним вечером перед длинной ночью.

– Раньше, до войны, бывало, Марфутка с девками выйдет, как запоют, так деревья дрожат! – торжественно вспоминает дед Сергей. – А нынче таких и людей нету.

– Нету, – горько подтверждает баба Катя.

– Все перемёрли.

– Все.

И они замолкают, растревоженные, каждый в своей думе, которую не решаются высказать. И долго потом ворочаются на кроватях, перебирая разные мысли – о хозяйстве, о выросших детях, о безвозвратном прошлом, и почти ничего – о будущем. Наконец коту надоедает эта бестолковая маета. Он мягко прыгает в ноги бабе Кате («От сатана, выпужал!» – тихо ругает она наглого пришельца) и, пристроившись среди бугров ватного одеяла, заводит густую, тягучую и умиротворяющую песню, полную признательности и довольства...